

А.М. Сморгков

ХРАМОВЫЙ ОБЕТ (VOTUM) В РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА

Одной из важнейших областей сакрально-политической жизни *цивitas*, ее взаимоотношений с богами являлось принятие и выполнение обетов богам за помощь в тех или иных затруднительных обстоятельствах, за процветание общины. В обетах наглядно выражалось единение людей и богов, они были чрезвычайно важны для сплочения граждан и укрепления их морального духа надеждой на помощь свыше. Формы и виды принимаемых публичных обязательств были весьма разнообразны, и храмовые обеты, при всей их значимости, отнюдь не преобладали. Далеко не всегда можно понять те или иные предпочтения при выборе содержания и объекта религиозных обязательств, но в какой-то степени здесь, несомненно, сказывались честолюбивые соображения их авторов. Проведение, к примеру, обетованных игр давало немедленный и запоминающийся эффект среди современников, в то время как строительство храма было длительным процессом, результаты которого были рассчитаны, скорее, на память потомков¹. Многие известные полководцы обходились без храмовых обетов, в то время как консул 187 г. до н.э. М. Эмилий Лепид во время незначительной войны против лигурийцев обетовал сразу два храма². Здесь влияли особые обстоятельства и личные пристрастия, в том числе характер личной религиозности.

Основное внимание в предлагаемом исследовании будет уделено храмовым обетам, хотя, конечно, не изолированно от других, ибо суть сакрального действия была одинакова. Принимаемые, как правило, на поле боя³, они кажутся наиболее уязвимыми с точки зрения сохранения информации о них. Ведь, для сравнения, день посвящения (дедикации) храма фиксировался в календарях религиозных праздников, а имя того, кто посвящал храм, увековечивалось в соответствующей

---

¹ Подробные объяснения в том же духе см.: *Orlin E.M. Temples, religion and politics in the Roman Republic*. Leiden; N. Y; Köln, 1997. P. 68–70.

² Храмы Дианы и Юноны Царицы: Liv. XXXIX.2.8, 11. О посвящении этих храмов см.: *ibid.* XL.52.1, 3. Интересные объяснения поведению Лепида дал Э.М. Орлин (op. cit. P. 73). Два или даже три храма, которые были затем посвящены, обетовал во время своей претуры (200 г. до н.э.) и консулата (196 г. до н.э.) Л. Фурий Пурпурион: Liv. XXXI.21.12; XXXIV.53.7; XXXV.41.8.

³ По подсчетам Э.М. Орлина, к военным обетам относилось примерно 80% известных храмовых обетов республиканского Рима: *Orlin E.M.* Op. cit. P. 20.

надписи. Тем не менее, по подсчетам Э.М. Орлина, мы имеем сообщения об обетах примерно для 60% республиканских храмов⁴, в основном благодаря сведениям Ливия: объем его информации значительно превосходит информацию всех прочих авторов вместе взятых⁵.

Довольно часто Ливий рассказывает о тех обетах, которые были приняты на поле боя, непосредственно при описании самих сражений⁶. Обет могли принять и в благодарность за уже практически одержанную победу, как, например, поступил проконсул Кв. Фульвий Флакк в битве с кельтиберами в 180 г. до н.э. (Liv. XL.40.10). Нередко его давали или непосредственно перед битвой, или в напряженный момент ее. А поскольку главной целью такого обета было ободрить воинов, то полководец стремился сделать этот свой сакральный акт известным всему войску – и с помощью соответствующих жестов (покрытие головы, воздевание рук к небу), и посредством громкого произнесения слов обета, и другими способами доведения до воинов необходимой информации⁷. Ярко и наглядно представил возможную ситуацию Ливий в рассказе о битве с инсубрами в 197 г. до н.э.: «В начале сражения консул (Г. Корнелий Цетег – А. С.) обетовал храм Юноне Соспите (Спасительнице), если в этот день враги будут рассеяны и обращены в бегство. Воины подняли крик, что дадут возможность консулу исполнить обет, и обрушились на врагов»⁸. Конечно, известна склонность Ливия к эффектному изложению, – здесь, на мой взгляд, даже сама латинская фраза передает быстроту происходящего, – но и чистый вымысел предполагать, само собой, не приходится: если этого не было конкретно в данной битве, то вполне могло быть в других. Такая ситуация легко представима, а красивые и эффектные детали, причем принимаемые обществом как достоверные, есть в рассказах участников любой войны. Так что и воины могли рассказывать о принятом обете и ждать его выполнения, и сам полководец по

---

⁴ *Orlin E.M. Op. cit.* P. 18.

⁵ По подсчетам М. Аберсон, в сохранившихся книгах Ливия имеется 43 сообщения, относящихся к храмовым обетам: *Aberson M. Temples votifs et butin de guerre dans la Rome republicaine.* Genève, 1994. P. 17. См. сопоставление характера информации об учреждении храмов (в том числе касательно обетов) у разных античных авторов: *ibid.* P. 39–45; 46–53 (Тит Ливий).

⁶ Liv. II.20.12 (ср.: 42.5); V.21.1–3; VII.28.4; X.19.17; 29.14; 36.11; 37.14–15 (Fabius Pictor); XXIX.11.13; 36.8; XXXI.21.12; XXXII.6.7 (Valerius Antias); 30.10; XXXIV.53.3, 5–7; XXXIX.2.8; 11; XL.40.10; 44.9; 52.1, 4–7; XLII.7.1. Ср.: Flor. I.19.2; 20; Tac. *Ann.* II.49; Plut. *Mar.* 26. Показательна обобщающая реплика Ливия (X.42.7): «... в разгар боя, когда обычно обетуют храмы бессмертным богам». Сводные таблицы (до конца Республики) см.: *Aberson M. Op. cit.* P. 241–243, 252–253.

⁷ *Rüpke J. Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom.* Stuttgart, 1990. S. 155.

⁸ Liv. XXXII.30.10: *Consul principio pugnae vovit aedem Sospitae Iunoni, si eo die hostes fusi fugatique fuissent. A militibus clamor sublatus compotem voti consulem se facturos, et impetus in hostes est factus.* О ритуальных жестах и обетах, произнесенных во всеуслышание в разгар сражения, см. также: Liv. X.19.17; 36.11.

возвращении сообщал о нем сенату во время доклада о совершенных деяниях⁹. Известны случаи, о которых речь пойдет ниже, когда именно сенат проявлял заботу о выполнении храмовых обетов.

Пожалуй, главным источником информации для последующих поколений и историков являлись храмовые надписи, в которых упоминались, помимо прочего, и обстоятельства обета (насколько это было общепринято – неизвестно). Ливий цитирует надпись, прикрепленную над дверями храма Морских Ларов (*Lares Permarini*) на Марсовом поле, освященного в 179 г. до н.э. цензором М. Эмилием Лепидом по обету своего родственника Л. Эмилия Регилла (*Liv. XL.52.4*, ср. *Macr. Sat. I.10.10*). В ней рассказывалось о победе в сражении с флотом царя Антиоха у Мионесса и упоминался данный тогда обет (*Liv. XL.52.5–6*)¹⁰. Кроме того, копия этой надписи была прибита и над дверями храма Юпитера Капитолийского (*XL.52.7*). Но что показательно – в весьма подробном рассказе о том же самом сражении Ливий (*XXXVII.28–30*) ни словом не обмолвился об обете, позаимствовав сведения о нем, скорее всего, не из своего нарративного источника, а из процитированной надписи. И это не случайно – Ливий неоднократно упоминает обет лишь при рассказе о дедикации храма¹¹: явные сведения о дедикации и обете были связаны между собой в рамках одного источника. Так что когда он, порой весьма красочно и подробно, говорит об обетах в рассказах о сражениях – это вполне могло являться результатом ретроспективного применения информации, связанной именно с дедикациями. Возможно также, что обеты фиксировались жрецами – собственно, понтификами – в своих архивах, по крайней мере, в случае возникновения спорных ситуаций¹².

В царскую эпоху, согласно традиции, принесение обета, как и прочие этапы основания храма, было прерогативой царей¹³. Что касается раннереспубликанской эпохи, то первыми упоминаются обеты диктаторов. Диктатору 499 г. до н.э. Авлу Постумию приписывались обет храма Кастору и Поллуксу¹⁴ и обет храма Церере, Либеру и Либере, данный по указанию Сивиллиных книг¹⁵. Диктатор Камилл в

---

⁹ См. примеч. 43: там говорится об обетованных играх, но, без сомнения, процедура была одинакова для всех магистратских обетов.

¹⁰ Ср. упоминание обета в надписи Гн. Помпея Великого на посвященном им храме Минервы (*Plin. NH. VII.97*). Наиболее известный пример – дедикационная надпись Л. Муммия, консула 146 г. до н.э., в которой упомянуты и обет, и дедикация храма Геркулеса Виктора (*CIL. I².626 = ILS. 20*).

¹¹ *Liv. VI.5.8; IX.43.25; X.1.9; 46.7; XXII.33.7; XXIII.21.7; XXXV.9.6; 41.8* (не был упомянут в соответствующем месте консульский обет Л. Фурия Пурпуриона, преторский же – упомянут); *XXXVI.36.5–6; XL.34. 4–6; 52.4*.

¹² *Aberson M. Op. cit. P. 19*.

¹³ *Liv. I.12.6; 27.7; 38.7; 55.1, 2; Cic. Rep. II.36; 44; Tac. Hist. III.72; Plut. Rom. 16* (ср.: *Liv. I.10.5–7*); *Dion. Hal. AR. II.50.3; III.69.1; IV.59.1; Macr. Sat. I.8.1; Zon. VII.11*.

¹⁴ *Liv. II.20.12; 42.5*, ср.: *Dion. Hal. AR. VI.13.4*.

¹⁵ *Dion. Hal. AR. VI.17.3; 94.3; Tac. Ann. II.49*.

396 г. до н.э. дал обет построить храм Юноне Царице¹⁶, а также освятить восстановленный храм Матери Матуты¹⁷, возможно, и храм Конкордии (Согласия) во время своей диктатуры в 367 г. до н.э.¹⁸ Сын его, Луций Фурий, диктатор 345 г. до н.э., обетовал храм Юноне Монете¹⁹. Эти полномочия диктатуры, рассматриваемой античными авторами как временное восстановление царской власти, являются наследием царских прерогатив. Сведения о консульских обетах появляются довольно поздно. Определенно консульский обет (храма Салюс) известен для конца IV в. до н.э. – его дважды упоминает Ливий (IX.43.25; X.1.9). Однако в соответствующем месте своего труда об обете он не сообщает, упоминая его только при рассказе о следующих этапах основания храма. Не имел он достоверных сведений и касательно обета храма Квирина (Liv. X.46.7): говоря об освящении его в 293 г. до н.э. консулом Луцием Папирием Курсором, Ливий отмечает, что ни у кого из древних писателей не нашел сведений о консульском обете и логически отнес этот обет к отцу Л. Папирия в бытность того диктатором (325 г. до н.э.). Этой версии придерживался и Плиний Старший (NH. VII.213). Первый же рассказ у Ливия о консульском обете, непосредственно связанный с обстоятельствами его произнесения, относится к 296 г. до н.э.: в разгар сражения обет храма Беллоне дал консул Аппий Клавдий Цек²⁰. Поскольку власть консула (*imperium*) также, как и диктатора, соответствовала в целом объему царских полномочий, то вряд ли скудость информации и относительно позднее упоминание консульских обетов могут стать основой для далеко идущих выводов. Помимо обетов высших магистратов с империем (диктаторов и консулов) известны обеты преторов, хотя и гораздо позже учреждения этой магистратуры²¹. Преторы, также имевшие империй, считались в религиозно-политическом плане равными консулам, ибо избирались при одних и тех же ауспигиях²². В силу усложнения управления римским государством объем преторских полномочий постепенно увеличивался, вследствие чего преторы все чаще

---

¹⁶ Liv. V.21.3, 5; 22.7; Dion. Hal. AR. XIII.3; Plut. *Camil.* 6.

¹⁷ Этот храм был обетован по постановлению сената: Liv. V.19.6 (ср.: Plut. *Camil.* 5).

¹⁸ Plut. *Camil.* 42; Ovid. *Fast.* I.641–642. Возражения см.: Momigliano A. *Camillus and Concord* // CQ. 1942. Vol. 36. P. 115–117; Ziolkowski A. *The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context*. Roma, 1992. P. 22–23.

¹⁹ Liv. VII.28.4; Ovid. *Fast.* VI.183–184.

²⁰ Liv. X.19.17. См. также: Ovid. *Fast.* VI.201–204; Plin. NH. XXXV.12; CIL. I². P. 192. No. 10.

²¹ Liv. XXII.10.10; 33.7; XXIII.21.7; XXXI.21.12; XXXIV.53.7; XXXV.41.8; XL.52.4; XLII.7.1; Macr. *Sat.* I.10.10. В этих сообщениях речь идет о шести обетах пяти преторов. Кроме того, один обет принял пропретор с проконсульскими полномочиями: Liv. XL.40.10 (ср.: XXXIX.56.5; XL.39.1).

²² Liv. III.55.11; VII.1.6; VIII.32.3; Messala ap. Gell. XIII.15.6. Ср.: Plin. *Paneg.* 77.

стали выполнять собственно консульские функции, в том числе и в области храмового строительства.

Имели место посвящения (дедикации) цензоров, магистратов без империя, но ни разу не упоминаются обеты этих должностных лиц. Ясные свидетельства осуществления цензорами обрядов *locatio* (выбор места для храма и сдача подряда на его строительство) и *dedicatio* (посвящение храма) связаны с выполнением ими собственных консульских обетов²³ или, в одном случае, преторского обета родственника (Liv. XL.52.1–4), а также храма Великой Матери, строившегося по указанию Сивилиных книг²⁴. Отсутствие цензорских обетов, возможно, объясняется не формальными запретами, а вполне прозаическими соображениями. Ведь цензура даже в ранние времена, как правило, венчала собой политическую карьеру римлянина. Поэтому психологически объяснимо, почему не хотели брать на себя религиозные обязательства, выполнение которых для частного лица было бы затруднительно. Разные соображения могли послужить препятствием: и возраст, и малая вероятность новой высшей магистратуры (консулата или диктатуры), и финансовые проблемы. Цензоры, правда, получали определенные суммы от государства, которыми распоряжались по своему усмотрению, но между государственными средствами и добычей полководца была принципиальная разница²⁵.

Еще одним (правда, скудным) источником храмового строительства являлись штрафы, взысканные эдилами, но эдильский обет упомянут лишь однажды – в единичном свидетельстве Плиния Старшего об обете храма Согласия, данном в 304 г. до н.э. знаменитым курульным эдилом Гн. Флавием (Plin. NH. XXXIII.19). Впрочем, и дедикация этого храма является единственной достоверно известной эдильской дедикацией. Эдилитет Гнея Флавия прославился нестандартными, можно сказать, революционными мероприятиями, к которым следует причислить и данное посвящение. Правящая верхушка, видимо, оказалась неготовой к такому повороту событий и не смогла оказать сколько-нибудь действенного сопротивления. Реакция последовала несколько позже (Liv. IX.46.6–7). Возможно, этим объясняется отсутствие эдильских дедикаций и соответствующих обетов, хотя эдилы принимали некоторое участие в строительстве храмов, а также светских сооружений, но их участие было недолгим и ограниченным²⁶. Эдилы, как и цензоры, не имели империя, т. е. того эквивалента царской власти, которым обладали диктаторы, консулы и преторы. Для Ливия обеты, несомненно, ассоциируются с консулами и диктаторами: именно их обеты упомянуты в качестве аргумента в составленной им речи Публия Деция Муса (300 г. до н.э.), ратующего за допуск плебеев в жреческие коллегии понтификов и авгуров (Liv. X.7.6).

---

²³ Liv. IX.43.25; X.1.9; XXXIV.53.3, 6; XXXVI.36.6; XL.52.1–3; XLII.3.1; 10.5.

²⁴ Liv. XXIX.37.2; XXXVI.36.3–4.

²⁵ См., например: Ziolkowski A. Op. cit. P. 207–208.

²⁶ Ibid. P. 258–260.

К этому списку можно добавить безымянный обет Аполлону в 433 г. до н.э. (Liv. IV.25.3), автор которого остается загадкой: ведь в этом году Римом управляли консулярные трибуны, а с их должностью не было связано основание ни одного храма. Еще дважды Ливий упомянул храмовые обеты (Аполлону и Марсу), не назвав их авторов (Liv. IV.25.3; VI.5.8). Возможно, они были даны по указанию Сивиллиных оракулов²⁷. Встречаются у Ливия и сообщения о дедикации храма без какого-либо указания на обет²⁸.

Предложенное польским исследователем А. Жолковски выделение отдельной категории храмов, основанных по инициативе жреческих коллегий²⁹, мне представляется необоснованным. Собственно, речь идет о храмах, учрежденных по Сивиллиным оракулам³⁰. Обет и все остальные этапы основания храма по этим оракулам осуществлялись магистратами, а участие жрецов священнодействий ничем не отличалось от их обычных обязанностей – просмотреть по приказу сената Сивиллины книги и сообщить найденный оракул. Подробно процедура описана Ливием в рассказе о консультации с оракулами в 217 г. до н.э. Среди их указаний было и обетование двух храмов – Венеры Эрицинской и Ума³¹. Обет первого храма дал диктатор Кв. Фабий, второго – претор Т. Отацилий (Liv. XXII.10.10). О диктаторском обете по требованию Сивиллиных оракулов сообщается и для храма Цереры, Либеры и Либеры (см.: примеч. 15). Конечно, жрецы священнодействий могли оказать влияние посредством интерпретации оракула, ибо это находилось в их руках, но окончательное решение принимал сенат, которому они сообщали оракул. Никакого иного участия в учреждении храма они не принимали, как и прочие жрецы. Единственное упоминание о посвящении (не обете) храма Марса в 488 г. до н.э. дуумвиром священнодействий³², если это не ошибка³³, ни в коем случае не свидетельствует, что он мог осуществить эту церемонию именно как жрец (*duumvir sacris faciendis*). Скорее всего, Ливий, который не очень строг в деталях при изложении повторяющихся ситуаций, подчеркнул в данном случае общественное положение дедикатора, а не само собой разумеющуюся должность дуумвира *aedi dedicandae*. Что касается предположения А. Жолковски о возможной инициативе понтификов, то оно базируется практически только на казусе со строи-

²⁷ Ziolkowski A. Op. cit. P. 103, 261; Aberson M. Op. cit. P. 18.

²⁸ Liv. II.21.2, 7; 27.5–6 (ср.: Val. Max. IX.3.6); 40.12; V.50.5; 52.11; X.46.14.

²⁹ Ziolkowski A. Op. cit. P. 201, 261.

³⁰ Помимо упомянутых выше храмов Цереры и Великой Матери богов известно еще, по меньшей мере, шесть храмов, построенных по Сивиллиным оракулам: Эскулапа (Liv. X.47.6–7; Val. Max. I.8.2; *De vir. ill.* XXII.1; Strabo. XII.5.3; Oros. III.22.5), Геркулеса Защитника (Ovid. *Fast.* VI.209–210), Ума и Венеры Эрицинской (Liv. XXII.9.10; 10.10), Венеры Вертикордии (Ovid. *Fast.* IV.157–160).

³¹ Liv. XXII.9.8–11, ср. Ovid. *Fast.* VI.245–246.

³² Liv. VI.5.8: *eo anno aedis Martis Gallico bello vota dedicata est a Tito Quintio duumviro sacris faciendis*.

³³ Mommsen Th. *Römische Staatsrecht*. Leipzig, 1887. Bd. 2³. S. 621. Anm. 1.

тельством храмов Доблести и Чести, обетованных М. Клавдием Марцеллом (см. ниже). Однако, и здесь жреческое участие не вышло за рамки обычной для жрецов консультационной деятельности³⁴. Принятие обетов ясно демонстрирует подчиненное положение жречества. Общинные магистраты (консулы, преторы), а не жрецы, оказываются посредниками между общиной и ее богами, если особые обстоятельства не требовали привлечения к обету всего народа. Конечно, консулы выступали при этом как представители общины, воплощая в своей личности ее волю, и их участие в заключении обетов, своего рода договоров с богами, понятно, но обращает на себя внимание чисто техническая, вспомогательная роль понтификов. Они выступали в качестве консультантов по вопросу, все ли сделано магистратом правильно, и в качестве знатоков священных формул, подсказывая их текст принимающим обет магистратам (*pontifice graeeunte*)³⁵. Значение этой понтификальной функции определялось тем, что римляне уделяли большое внимание точности и однозначности понимания обетных формул. Здесь нельзя было ошибиться ни в одном слове или допустить возможность двойного толкования. В известных текстах обетов явно заметно желание заранее обезопаситься от возможных нарушений сакрального права, оговорив такую возможность³⁶. Однако, о том или ином участии понтификов в процедуре принятия обетов Ливий сообщает лишь тогда, когда это происходило в самом Риме³⁷. Показательно его замечание о ходе рассмотрения понтификами по поручению сената спора вокруг обета Камилла, принятого перед началом решающего штурма Вей: «пригласив Камилла, коллегия решила...»³⁸. Другими словами, для уточнения сути обета жрецы воспользовались консультациями его инициатора, что Ливий никак не комментирует, явно в силу обычного характера такой практики. Следовательно, в принятии данного обета понтифики никакого участия не принимали. И в целом, нет оснований предполагать их обязательное участие в этой процедуре, по крайней мере, когда дело происходило на поле боя.

Как показывают вышеупомянутые события 217 г. до н.э., обет принимался и в том случае, если храм строился по требованию оракула Сивиллы, после которого следовало соответствующее распоряжение сената. Правда, не упомянут обет строительства такого же храма Великой Матери (*Magna Mater*), что, скорее всего, является случайностью. Священный символ богини (черный камень) был привезен в Рим в 204 г. до н.э., а храм посвящен лишь в 191 г. до н.э., так что явно должны были дать обет его постройки, пока богиня «ожидала» причитающейся ей почести, временно находясь в храме богини Победы (*Liv. XXIX.14.13*). Собственно говоря, стадия обета (*votum*), являясь проме-

---

³⁴ Сморчков А.М. Два закона о дедикации // Древнее право. 2002. № 1(9). С. 79.

³⁵ *Liv. IV.27.1; XXXI.9.9; XXXVI.2.3; XLII.28.9.*

³⁶ *Liv. XXII.10.4–6; XXXVI.2.5.*

³⁷ *Liv. IV.27.1; XXII.10.1; XXXI.9.6–10; XXXVI.2.3–5; XLII.28.9.*

³⁸ *Liv. V.25.7 (ср.: 23.8); adhibito Camillo visum collegio.*

жуточной между оракулом и его исполнением, и была тем средством, которое было призвано искупить гнев богов. Ведь в том же оракуле 217 г. до н.э. содержалось требование обета храмов Венере Эруцинской и Уму, а не их строительства: *aedes Veneri Erycinae ac Menti vouendas esse* (Liv. XXII.9.10). Строительство, конечно, подразумевалось, раз были обещаны храмы, но именно обет выступал как средство (причем немедленное) примирения с богами, что подчеркивает его значение³⁹. Таким образом, при учреждении общественного храма обязательным начальным пунктом являлось принятие обета. Это требовалось при учреждении храма и по решению сената, и по личной инициативе магистратов.

Принятие обета, в том числе о постройке храма, всегда было индивидуальным актом, даже если он давался по решению сената⁴⁰. Сочетание решения коллективного органа (сената) и индивидуального акта магистрата хорошо прослеживается при обетах иного рода, прежде всего, при обетах Великих игр в честь Юпитера, сопоставимых по расходам с постройкой храма. Эти обеты давал магистрат с империем, причем именно по решению сената (*ex senatus consulto, ex auctoritate patrum*)⁴¹. Если речь шла о коллективной магистратуре (консулат, претура), то сенат назначал одного магистрата персонально (*nominatim*)⁴². Лишь однажды Ливий опустил упоминание сената (Liv. IV.27.2), что, несомненно, явилось результатом нестрогого, сокращенного, изложения типичной ситуации. В качестве иного образца сокращенного изложения можно привести его рассказ о событиях 367 г. до н.э. Тогда сенат принял решение об устройстве Великих игр и о добавлении к трем их дням еще одного, но при этом Ливий ничего не сказал о том, кто и когда произнес обет (VI.42.12). И лишь сообщая о проведении игр в 358 г. до н.э., он указал, что обет был дан диктатором Марком Фурием (VII.15.12). Его последняя диктатура приходилась как раз на 367 г. до н.э. (VI.42.4–11, 14). Такие пропуски нередки у Ливия, особенно при изложении ранней истории.

Игры могли обетоваться магистратами и перед сражением или во время него, что происходило, естественно, по собственной инициативе и без согласования с сенатом. Известны случаи, относящиеся к концу III в. и II в. до н.э., т. е. к периоду преобладания сената в балансе политических сил, когда магистраты вынуждены были испрашивать его согласия на финансирование таких игр⁴³. Однажды сенат даже отказался помочь в выполнении магистратского обета. В 191 г. до н.э. консул П. Корнелий Сципион Назика потребовал (*postulavit*) у

---

³⁹ Rohde G. Die Bedeutung der Tempelgründungen im Staatsleben der Römer. Marburg, 1932. S. 11. Г. Роде видит в этой стадии, помимо прочего, важное отличие римской религии от греческой (ibid. S. 10–11).

⁴⁰ Liv. V.19.6; XXII.10.10 (ср. 9.8–11). Ср.: App. BC. I.26; Macr. Sat. I.8.1.

⁴¹ Liv. IV.12.2; V.19.6; VI.42.12 (ср.: VII.15.12); VII.11.4; XXII.10.7 (ср.: 9.10–11; 10.1); XXVII.33.8; XXX.2.8; 27.11; XXXI. 9.6–10; XXXVI.2.2–5; 36.6; XL.34.4–6; XLII.28.8–9.

⁴² Liv. XXII.9.10–11; XXXVI.2.2–5; 36.6; XL.34.4–6; XLII.28.8–9.

⁴³ Liv. XXVIII.38.14; XXXVI.36.1–2; XXXIX.5.7–10; XL.44.8–12; 52.1–2.

сената деньги на устройство игр, которые он обетовал два года назад во время сражения с лузитанами, будучи пропретором в Испании (Liv. XXXV.1.8; XXXVI.36.1). Однако, как пишет Ливий, «требование сочли неслыханным и несправедливым и потому постановили: те игры, которые он обетовал по собственному решению, без консультаций с сенатом, пусть сам и проводит на средства от военной добычи, если какие-нибудь деньги отложил для этого, либо за свой собственный счет» (ibid. XXXVI.36.2). Политическая подоплека отказа члену могущественного на то время клана Сципионов вполне возможна⁴⁴. Но встает вопрос: как все это согласуется с требованиями религии и благочестия? Само собой, не выдерживает никакой критики выдвинутый сенатом предлог для отказа – отсутствие предварительных консультаций с сенатом, что было в принципе невозможно для обетов, даваемых на поле боя. Впрочем, этого никогда и не требовали. Однако, при внимательном рассмотрении, даже в этом случае позицию сената по отношению к обету следует определить как нейтральную: он, конечно, отказал Сципиону в помощи, но ведь и не мешал ему самостоятельно выполнить свой обет, и даже настаивал на этом⁴⁵. Мы не имеем ни одного примера активного сопротивления сената выполнению религиозных обязательств и редкие примеры его активного соучастия.

Относительно храмовых обетов нет сведений об обращении магистратов за помощью или одобрением в сенат, возможно, потому, что это были обеты, так сказать, длительного действия, и их выполнение порой затягивалось на долгие годы. Остроумное предположение высказал Р. Вейгель: по его мнению, когда полководцы во время сражений обетовали храмы богам, не связанным с войной, выбор они делали по рекомендации сената и государственных жрецов, данной перед выходом в поход⁴⁶. Однако, никаких доказательств, кроме общих соображений, у этой гипотезы нет. Тем не менее, нельзя сказать, что исполнение магистратских обетов было исключительно делом самих магистратов, хотя храмовые обеты в основном принимались как раз на поле боя, само собой, единолично полководцем. По мнению ряда исследователей, обет магистрата с империем налагал обязательство на всю гражданскую общину⁴⁷. Почему же и в какой степени такие обеты, являвшиеся всегда индивидуальным актом, становились обязательными для всей гражданской общины?

---

⁴⁴ О финансовых причинах отказа см.: *Orlin E.M.* Op. cit. P. 58–59.

⁴⁵ Ibid. P. 60.

⁴⁶ *Weigel R.D.* Roman Generals and the Vowing of Temples, 500–100 B.C. // *Classica et mediaevalia*. 1998. Vol. 49. P. 137–139.

⁴⁷ *Beseler G.* Triumph und Votum // *Hermes*. 1909. Bd. 44. No. 3. S. 357–358; *Bardon H.* La naissance d'un temple // *REL*. 1955. Vol. 33. P. 168–170; *Eisenhut W.* Votum // *RE*. 1974. Supplbd. 14. Sp. 965, 968 (56–61). Противоречивую позицию занял А. Жолковски (op. cit. P. 198, 218–219, ср.: p. 235). Против (с оговорками): *Orlin E.M.* Op. cit. P. 35–75. Позиция Э.М. Орлина, исходящего из признания неформализованного характера религиозных обязательств (op. cit. P. 33, 50, 75), мне представляется наиболее взвешенной и обоснованной.

Ситуация во многом определялась размером добычи, часть которой полководец мог потратить на выполнение собственных обетов независимо от мнения сената. Если ее было достаточно, то никаких проблем не возникало, ибо магистрат сам, в первую очередь, стремился освободиться от религиозного обязательства. Но имелись и более сложные случаи. Рассказывая о настойчивых требованиях в 395 г. до н.э. Марка Фурия Камилла выполнить его же обет Аполлону, данный перед штурмом Вей, Ливий вкладывает в его уста выражение «*civitas damnata voti*» (Liv. V.25.4), т. е. считает магистратский обет обязательством всей гражданской общины. Два других его обета, принятых тогда же и связанных с храмами, были без проблем выполнены. Этот же касался практически всех граждан – Камилл обещал Аполлону Пифийскому десятину от всей движимой и недвижимой добычи в Вейях⁴⁸. Дело в том, что сенат разрешил гражданам принять участие в разграблении Вей (V.25.20), и вся движимая добыча, за исключением пленников (V.22.1), оказалась в их руках. Именно с нее участники грабежа обязаны были отдать богу десятую часть. Это вызвало недовольство плебса, и понтифики предложили компромисс: народ (*populus*) в целом освободить от религиозного обязательства и предоставить его выполнение совести каждого гражданина в отдельности⁴⁹. Впрочем, этот компромисс не спас Камилла от ненависти плебеев, ибо здесь с религиозным долгом столкнулся материальный интерес. Высший магистрат, несомненно, мог принять обет от лица граждан, как о том недвусмысленно свидетельствует текст обета (191 г. до н.э.), дословно приведенный Ливием: «Если война, которую народ повелел вести против царя Антиоха, завершится в соответствии с желанием сената и народа римского, тогда для тебя, Юпитер, народ римский устроит Великие игры в течение десяти дней, и во все храмы будут принесены дары из денег, какие выделит сенат» (Liv. XXXVI.2.3–4). Но этот обет был принят в самом Риме по решению сената, к тому же фактически в нем речь шла об обязательствах казны. Что касается вышеупомянутого обета Камилла, то в его выполнении приняли участие не только граждане персонально, но и государство, внося из казны десятую часть стоимости недвижимости – города и земель вейентов (Liv. V.25.6–8). Таким образом, обет диктатора обязал и общество в целом, и каждого гражданина. Ливий (устаами Камилла) считал, что это должно быть именно коллективным обязательством: критикуя компромиссное решение, он называет милостыней (*stips*) персональную уплату десятины (ibid. 5). С другой стороны, хотя активное участие в событиях принимали общественные органы (сенат и коллегия понтификов), инициатива исходила все-таки от того, кто дал обет, – именно Камилл настоял на его выполнении.

В другом случае, связанном уже с сыном Камилла Луцием, диктатором 345 г. до н.э., Ливий говорит, что тот сложил с себя диктатуру,

---

⁴⁸ Liv. V.21.2; Plut. *Camil.* 7.

⁴⁹ Liv. V.23.8–11; Plut. *Camil.* 8.

будучи связан обетом (*damnatus voti*) возвести храм Юноне Монете⁵⁰, т. е. невыполненный обет был делом совести именно того, кто дал его. И в 395, и в 345 гг. проблемой занялся сенат, который принял необходимые решения по выполнению обетов (Liv. V.25.7–10; VII.28.5), что говорит об их общественном характере. Наиболее ярко двойственность ситуации заметна в рассказе Ливия о докладе консула 179 г. до н.э. сенату в начале своего должностного срока: «Консул Кв. Фульвий заявил, что прежде, чем приступить к общественным делам, желает освободить и себя, и государство от религиозного обязательства, исполнив (свой) обеты. В тот день, когда он в последний раз сразился с кельтиберами, он обетовал игры Юпитеру Всеблагому Величайшему и храм Всаднической Фортуны» (Liv. XL.44.8–9). В изложении Ливия четко видно, что Фульвий считал принятые им обеты обязательством как своим, так и всего общества. Дело опять-таки решал сенат (XL.44. 10–12).

Сенат мог даже по своей инициативе проявить заботу об исполнении магистратских обетов, хотя делал это редко – известно лишь два таких случая. Одни события относятся к 294 г. до н.э., когда сенат приказал построить храм Юпитеру Статору (Liv. X.37.15–16), обетованный консулом Марком Атилием в неудачной для римлян битве при Луперии (X. 36.11). При этом анналист Кв. Фабий Пиктор, на которого ссылается Ливий в рассказе об основании храма, подчеркивает, что государство (*res publica*) было уже дважды связано этим обетом (*damnata voti*): в качестве первого назван обет Ромула, не завершившийся строительством храма (X. 37.14–15)⁵¹. Историчность Ромулова обета здесь не имеет значения, главное, что о нем помнили. Возможно, именно это особое обстоятельство, как и отсутствие средств у М. Атилия (битву ведь римляне явно проиграли), побудили сенат принять участие в выполнении магистратского обета. А в 217 г. до н.э. возникли религиозные опасения из-за годичной задержки в выполнении обета храма Согласия, данного в 218 г. до н.э. претором Л. Манлием (Liv. XXII.33.7–8). Хотя прямо не сказано, но, по всей видимости, озаботился этим опять-таки сенат, ибо в данной главе речь шла именно о его решениях: отправка послов, приказ назначить думвиров *aedi locandae* (для определения места под храм) или вызвать консула для проведения выборов – это все сенатская компетенция. Уже на следующий год храм был посвящен (Liv. XXIII.21.7). Показательно, что в обоих случаях нет никаких сведений об участии понтификов или иных жрецов (например, фламينا Юпитера) в защите интересов богов. Видимо, при Республике защита интересов богов, по крайней мере, активная, деятельная, не входила в их обязанности. Это и понятно, если вспомнить, как и кем по римским понятиям должно наказываться нарушение божественного права. Поскольку выполнение обя-

---

⁵⁰ Liv. VII.28.4. Ср. подобное выражение *voti reus* по поводу храмового обета М. Юния Брута: Масг. *Sat.* I.12.31.

⁵¹ Об обете Ромула см.: Liv. I.12.6; X.37.15; Dion. Hal. AR. II.50.3; Tac. *Ann.* XV.41; *De vir. ill.* II.8. Ср.: Cic. *Cat.* I.33; Ovid. *Fast.* VI.793–794; Plut. *Rom.* 18; Flor. I.1.13.

зательства перед богами было делом совести принявшего их, а принимали обеты магистраты, то они либо замещающий их орган (сенат) и проявляли заботу о выполнении обетов. Ведь нарушение их грозило всей общине, и кому, как не ее представителям, следовало позаботиться о ее благе. Вся ответственность ложилась именно на политическую власть. Но в том же 217 г. до н.э., когда возникли религиозные опасения из-за обета Л. Манлия, почему-то никого совершенно не волновало, что еще и М. Клавдий Марцелл не выполнил свой обет, который был дан гораздо раньше – в 222 г. до н.э. в битве при Кластидии. Он, по всей видимости, даже не начинал его выполнять, т. е. не была определена священная территория будущего храма и не сдан подряд на его строительство, поскольку в 211 г. до н.э. Марцелл повторил свой обет⁵². Но и на этот раз он не торопился его выполнять, пока каким-то образом в 208 г. до н.э. его не побудили приступить к исполнению двойного обета. Почему обет именно Манлия, а не Марцелла, вызвал озабоченность общества (*in religionem venit*), Ливий не поясняет. Возможно, Манлий скончался и потому его обет перешел к государству. Но *argumentum ex silentio* (а Манлий действительно после претуры нигде не упоминается) весьма ненадежен, да и само отсутствие рассказа о побудительных причинах выглядит нелогичным⁵³. Возможно также, дело заключалось в отсутствии средств, ведь этот обет был дан по случаю солдатского мятежа, а не победы. Сенат же, как правило, не вмешивавшийся в такого рода дела, после поражений первого периода Ганнибаловой войны не считал возможным остаться в стороне от выполнения религиозного обязательства.

Таким образом, общество чувствовало свою ответственность за выполнение обетов собственных магистратов, но как-то избирательно. Само собой, это «чувство ответственности» обострялось при неудачах, когда особенно велико было стремление вернуть согласие с богами (*pacis deorum*). С другой стороны, нет следов какого-либо «формального» механизма выполнения обетов. Инициатива, за редкими исключениями, исходила только от лица, давшего обет, хотя такое положение было чревато нарушением обязательств перед богами, что «грозило» благополучию всей общины. Имелись случаи весьма медленных, в силу различных причин, темпов исполнения обета. Можно предположить, что бывали и невыполненные обеты, но они не фиксировались в источниках, если, конечно, по тем или иным поводам о них не вспоминали. По крайней мере, ничего не известно об обетах перед Каннами и многими другими поражениями римлян – возможно, потому, что боги не «выполнили» свою часть обязательств.

---

⁵² Liv. XXVII.25.7; XXIX.11.13; Cic. *Verr.* II.4.123; Val. Max. I.1.8. Ливий упоминает только первый обет, Цицерон – только второй (впрочем, это соответствовало задачам его речи), Валерий Максим – оба. Возражения против наличия второго обета см.: *Aberson M.* Op. cit. P. 147.

⁵³ Некоторые предположения см.: *Orlin E.M.* Op. cit. P. 155. Not. 155; 182–183.

Несомненно, обет высшего магистрата накладывал определенную ответственность на все общество, но она не могла быть беспредельной. То же самое следует сказать о любом другом обязательстве магистрата. Классический пример – события, последовавшие за капитуляцией римских войск в Кавдинском ущелье (321 г. до н.э.). Попав в засаду, устроенную самнитами, консулы были вынуждены заключить мир на крайне невыгодных для римлян условиях. Клятву принес весь командный состав римского войска – консулы, легаты, трибуны и квесторы (Liv. IX.5.4). Тем не менее, был найден способ отказаться от выполнений этих условий без формального нарушения религиозных обязательств, что делало справедливым и оправданным возобновление войны: фециалы выдали самнитам всех, кто принес злосчастную клятву, во главе с бывшим уже консулом Постумием, который и предложил такой выход из создавшейся ситуации⁵⁴. Тем самым, по мнению римлян⁵⁵, государство освобождалось от обязательств, принятых его магистратами. В итоге, вся договоренность оказывалась личной инициативой магистратов с их личной ответственностью, но только после исключения их из римской общины путем выдачи врагу. Подобный случай имел место и в 136 г. до н.э., когда был выдан нумантинцам бывший консул Манцин, заключивший с ними неприемлемый для Рима договор⁵⁶. Как видим, общество могло не признать обязательства, возложенные на него высшим магистратом⁵⁷, что вполне логично: ведь свои полномочия магистрат получал именно от гражданского коллектива.

Все же вопрос о характере Кавдинского соглашения и, соответственно, степени его обязательности для римского государства, в том числе с точки зрения религии, оставался актуальным и через три века, как явствует из дискуссионного изложения этого вопроса у Ливия⁵⁸. Возражая Клавдию Квадригарию, Ливий настаивал, что в Кавдинском ущелье имело место клятвенное обязательство (*sponsio*), которое касалось только давших клятву, а не договор (*foedus*), обязывающий уже всю римскую общину. Но если спонсия касалась только отдельных лиц, почему, чтобы вина за клятвopепреступление не легла на все государство, потребовалось выдать самнитам бывших магистратов, тем самым исключив их из римской гражданской общины? Проблема во многом проистекала из того, что сакральная сторона этих обязательств не подвергалась пересмотру и не могла, соответственно, быть отменена. Поэтому следовало либо соблюдать «права» богов, либо переложить на кого-нибудь ответственность общества за их нарушение. Ведь и обет рассматривался как клятвенное обязательство (*spon-*

---

⁵⁴ Liv. IX.8–10; Cic. *Off.* III.109; *De inv.* II.91; Vell. II.1.5; Val. Max. VI.1.9; Plut. *Tib. Gracch.* 7; App. *Iber.* 83.

⁵⁵ Но не самнитов: Liv. IX.11.

⁵⁶ Cic. *Off.* III.109; *De or.* I.181; *Caec.* 98; Liv. *Per.* 56; Vell. II.1.4–5; 2.1; Flor. II.18.7; Plut. *Tib. Gracch.* 7; App. *Iber.* 83.

⁵⁷ Подробнее см.: *Orlin E.M.* Op. cit. P. 50–53.

⁵⁸ Liv. IX.5.1–5, ср.: Cic. *Off.* III.109.

sio) перед божеством (Cic. Leg. II.41)⁵⁹. Яркий образец спонсии с четким обозначением взаимных обязательств – упоминавшийся обет консула 296 г. до н.э. Ап. Клавдия Цека в битве против этрусков и самнитов: «Беллона, если ныне даруешь нам победу, тогда я обетую тебе храм»⁶⁰. Тем не менее, как отмечалось, такое обязательство не считалось исключительно делом принявшего его. По всей видимости, дело объясняется тем, что не было единого представления, насколько общество ответственно перед богами за грех своего гражданина. Здесь господствовали обычай и требования момента. Вольное или невольное пренебрежение религиозными обязательствами со стороны одного гражданина, тем более, магистрата, могло, в общественном мнении, привести к различным бедствиям, если нарушало «мир с богами». Поэтому вполне объяснимо желание общества в ответственных случаях (и при наличии такой возможности) подстраховаться, выполнив обет или исключив преступных сограждан из своего состава.

Таким образом, анализ взглядов античных авторов, и прежде всего Ливия, не дает возможности утверждать, что обет даже высшего магистрата рассматривался как обет всей представляемой им гражданской общины, однако он не был и исключительно его личным делом, поскольку два следующих этапа (*locatio* и *dedicatio*) являлись общественными актами. Как показывает случай с обетом Камилла, фактически речь шла о распоряжении захваченной добычей, определенные права на которую имели и победоносный полководец, и государство в лице сената, и воины. Все проблемы Камилла выросли из того, что он не выполнил обет сразу после захвата Вей, используя свои права главнокомандующего по распоряжению добычей. В итоге, его обязательство как бы «рассеялось» по всем участникам грабежа, что и вызвало их недовольство. Весьма образно суть изменившейся ситуации сформулировал Плутарх: воины «возмущались, что, дав тогда обет десятины с вражеского имущества, ныне он (Камилл. – А. С.) взимает десятину с имущества сограждан» (Plut. *Camil.* 8). Другая часть обета (как и добычи) пришлась на долю государства (в отношении недвижимости). Государство могло помочь выполнить обет – назначить думвиров для учреждения храма (*aedi locandae* и *dedicandae*), иногда даже оказать финансовую помощь (правда, эти случаи весьма немногочисленны⁶¹). Но, с другой стороны, можно было обойтись и собст-

---

⁵⁹ Сопоставление *votum* и *stipulatio (sponsio)* см.: Watson A. *The State, Law and Religion. Pagan Rome*. Athens; L., 1992. P. 39–43. См. также: Rohde G. *Op. cit.* S. 10–11; Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München, 1960. S. 46 (о юридических выражениях в латинском языке касательно обетов); Orlin E.M. *Op. cit.* P. 35. Not. 1; P. 50. Not. 54; Beard M., North J., Price S. *Religions of Rome*. Cambr., 1997. Vol. I. P. 34.

⁶⁰ Liv. X.19.17: *Bellona, si hodie nobis victoriam duis, ast ego tibi templum voueo*. Для формулы обета Ливий использовал нарочито архаичные слова *duis, ast*.

⁶¹ Необходимо учитывать, что мы плохо информированы об источниках финансирования храмового строительства, размерах вложенных полководцем средств, о самой стоимости строительства, которая, естественно, различалась

венными силами: строились обетные храмы, как правило, на личные средства, а необходимые общественные церемонии лицо, давшее обет, имело возможность осуществить самостоятельно, занимая какую-нибудь магистратуру. Таким образом, налицо гармония личности и общества: с одной стороны, гражданин, выполняя обет во благо общества, был вправе рассчитывать на помощь последнего, с другой стороны, общество не зависело от необдуманных слов своего члена. Общественная помощь оказывалась не автоматически, а требовала каждый раз особого решения общественных органов власти, собственно, сената. Нет ничего удивительного в отсутствии институционализированного контроля за выполнением магистратских обетов, в том числе и касательно храмов. Это обычная ситуация в религиозных вопросах, прослеживаемая во многих аспектах сакральной сферы республиканского Рима.

A.M. Smorchkov

TEMPLE' VOW (VOTUM) IN RELIGIOUS-POLITICAL PRACTICE OF THE ROMAN REPUBLIC

The article deals with various problems concerning vows undertaken by magistrates, first of all concerning temple's building. This was a required phase of public temple's foundation in the Roman Republic. Taking a vow had always been an individual act, even if it was made according to the Senate decision. Vows undertaken by magistrates on own initiative are ambiguous. On the one hand such vow was a personal magistrate's obligation to the gods, on the other society understood its own responsibility for the fulfillment of vows undertaken by the magistrates they elected, although it was partially. Such a «responsibility feeling» no doubt sharpened in the case of military defeats, epidemics etc. Thus a person and a society existed in a harmony: a citizen executing a vow that he undertook for the profit of a society could rely on society's help and support, however a society was independent of hasty words and acts of its member. Notwithstanding there are no evidence of formal control over the magistrate's vows fulfillment (including ones concerning temple's building). Society support wasn't rendered automatically, but every case required a special decision of the senate. This is a typical situation in the sacral sphere and it could be observed in various aspects of the religious life in Roman Republic.

в разных случаях. Античных авторов эти вопросы не интересовали. Поэтому соучастие сената в осуществлении индивидуальных обетов могло быть гораздо шире, что доказывал Э.М. Орлин (op. cit. P. 127–139, 148, 152–153, 159–161).